

СОУЛМЕЙТ

«Ледяной якорь», «пасть дракона», «паучья кость», даже заурядная мышеловка. Ну, это очень смешно! Всё равно что ловить воздух ладонями. Или попытаться наступить на солнечное пятно.

Я отсмеялся, вытер слёзы и тщательно обезвредил все ловушки.

Мышеловку, впрочем, оставил. Кто-нибудь обязательно попадётся, и жестокие зубы сомкнутся на несчастной легкомысленной тушке.

А ничего! Ловушка устроена так, что одним мощным ударом перебьёт позвоночник.

Некрасиво, конечно, но долго мучиться не придётся. Жертве вряд ли будет больнее, чем мне.

Боль не позволила вспомнить о ней просто так. Виски пронзило ледяной иглой, дыхание перехватило. Я замер, не в силах двинуться дальше. Но беспощадная Тварь, подцепившая меня на крючок, наблюдала за происходящим, она видела дальше, чем я, и знала, когда безопасно напомнить мне о том, кто здесь настоящий хозяин. Ощутимо, но без вреда.

Боль ушла так же внезапно, как и появилась. Я продышался и двинулся вперёд. Очень хотелось думать, что по своей воле.

Женя откидывается на спинку кресла и прикусывает большой палец. Она вроде бы видит эту сцену — всю в рваных и ломаных линиях, лаконичную и насыщенную одновременно. Два или три цвета, не больше. Минимум деталей. А, ну да, и не выбиваться из общего стиля арки.

Хотя стиль Жене наскучил, она бы не прочь что-то поменять.

PoV Гермес...

Однако он очень самонадеян, этот болван, что следовал за мной. Он думал, я не замечаю, как он скользит вдоль замерших домов, стараясь держаться в тени. А я, конечно, делал вид, что не замечаю.

Настоящий болван — он даже оружия с собой не взял.

Я свернул на одну из улиц и хотел притаиться за углом. Но потом мне понравилось высокое парадное крыльцо ближайшего дома. Я представил, как лихо можно прыгнуть с верхней ступени на этого горе-охотника и свернуть ему шею прямо на лету.

Взбежал по лестнице и опять передумал. Вместо того чтобы замереть в засаде, зачем-то прошёл внутрь.

Дом был мёртв, как и все остальные дома. Нет, никаких следов разгрома: мебель стояла почти нетронутая, в углу собрались в кучу мягкие звери, на широком столе — книги и детские рисунки. Но тлен уже проник в это гнездо: стёкла рассыпались на подоконник, здесь же, на подоконнике, чернели тушки дохлых насекомых, потолок пошёл трещинами, а на полу валялись листья, перья, другой мусор, занесённый снаружи случайным ветром.

Лучше бы сгореть этому жилищу, чем вот так медленно умирать, лишившись хозяев.

Я подобрал с пола упавший рисунок. На нём было изображено дерево с богатой листвой и висевшими на ветвях большими плодами. Плоды напоминали планеты, а ветви не вмещались

в картину и уходили за её грань. Я подивился фантазии человеческого детёныша, потом смял бумагу и бросил на стол.

Надо признать, он умел двигаться, мой преследователь. Он подобрался почти бесшумно и теперь стоял у меня за спиной. Если бы не Тварь, мы были бы почти на равных. Но Она наделила меня нездешним зрением и звериным чутьём, и он просто не мог остаться незамеченным.

Тварь разрешала мне играть. Наверное, ей самой это нравилось.

Ударить не оборачиваясь. Повалить одним броском и сомкнуть руки на шее. Только пусть подойдёт поближе...

— Я так и знал, что ты придёшь сюда.

Нет, не слова заставили меня вздрогнуть и обернуться.

Голос.

Тот, кто их произнёс.

Женя читает, забыв обо всём. Она давно ждала, когда Гермес встретится с Икаром.

Они с детства друзья, но это не помешало Икару отречься от него, как отреклись остальные. Женя понимает, что это справедливо, что Икар хороший, а Гермес чудовище и он заслужил такое к себе отношение. Но ей всё-таки немного жаль Гермеса.

Над этим фанфиком Женя работала давно и с удовольствием. И не то чтобы это был её любимый фандом (теперь-то любимый, да!). Что-то в самом тексте зацепило.

Иногда такое бывает — и словами не объяснить, где они, точки сближения, в каких таких особенных словах. Букв всего тридцать три, совершенно непостижимо, как они складываются в таинственный код, понятный только соулмейтам.

Больше года. Женя сама удивилась — больше года прошло с того дня, как она открыла страничку неизвестного тогда фикрайтера. И сделала фан-арт к первой главе.

А потом Флегматичный Огрызок — так он (или она) значился на «Фикбуке» — ждал уже иллюстрацию к новой главе. И Женя вливалась в продю смелыми штрихами, обмирая, читала восхищённые комментарии к их тандему и чувствовала себя настоящим художником.

Пожалуй, это уже можно назвать отношениями.

Соулмейт, правда, не особенно баловал комментариями, а в сообщениях осторожничал, так что Женя ничего не знала о его личной жизни. Может, так и лучше: ведь от неё тоже никто не требовал откровенности.

Соулмейт, несомненно, личность выдающаяся, возможно даже, это взрослый человек с солидным бэкграундом и уж точно с богатой и смелой фантазией. И что могла ему рассказать о себе старшеклассница Женя Кудрявцева, девочка-невидимка?

Приходится, однако, оторваться от любимых буковок. Через полчаса дистанционный урок, а ещё успеть бы сделать пару заданий.

Женя вздыхает и раскладывает тетрадки.

И тут звонит мобильник.

Она слышит настойчивое пение, мечется в поисках, но ответить не может. Телефон спрятался где-то в книжных завалах.

Женя с досадой пинает кучу книг, сложенных на кровати, и они друг за дружкой скользят на пол — как в аттракционе.

Телефон затихает. Женя, чуть не плача, продолжает поиски. Если это мама, то вечером не миновать выяснения отношений.

Мама звонит в редкие свободные моменты, и это надо понимать. Необходимо взять трубку и ответить. Потому что в следующую секунду мама снова помчится работать, и перезванивать ей бесполезно.

Вот он, телефон.

Женя торопливо включает экран, но не успевает ничего увидеть. Телефон будто взрывается в её руках.

— Ты чего трубку не берёшь?

Женя слышит голос Милы, и её отпускает. Настолько, что она не сразу понимает, что ей говорят.

— Чего ты молчишь, тормоз юный?

Мила орёт и, видимо, злится. Но звук тихий. Как будто издалека.

— Я тебе же... мать... не слышишь...

Теперь ещё и паузы. Что-то со связью?

— Мил, давай позже! — Женя тоже кричит в трубку. словно нестабильную связь только так и можно компенсировать, таким вот громким голосом. — Мне сейчас некогда!

Молчание. То ли Мила вняла просьбе, то ли связь вообще пропала.

Женя смотрит на часы. И правда некогда. До урока пятнадцать минут, задания так и не сделаны, ещё и в комнате теперь бардак. Пока искала телефон, всё перевернула вверх дном!

— Простите, Мариночка Петровна. Одну минутку, Мариночка Петровна, — бормочет Женя, выхватывая из шлепящей кучи нужное, собирая в горсть разбросанные карандаши, пинком отправляя под кровать запасной рюкзак и краем глаза поглядывая на монитор.

Она спешно пытается навести порядок, хотя, наверное, стоило бы заняться задачками по биологии. Комната что? Повернул камеру в другую сторону — и груда книг на полу, и клубок из одежды и скомканные покрывала остались вне зоны видимости.

До Жени это наконец доходит. Да, она и правда тормоз, Мила не преувеличивает.

Она надеется, что Марина Петровна опоздает минут на пять.

Но звук вызова раздаётся даже раньше времени.
Женя кидается к ноутбуку и обмирает.
Это не Марина Петровна.

— Ну что, деточка, поговорим про вирусы. Актуальная сегодня тема, не так ли?

Так начала Бронислава их последнее очное занятие.

Женя кивнула. Она, как всегда, жутко смущалась. Из-за «деточки», которая, впрочем, в устах Брониславы звучала совсем не ласково, а скорее с жалостью; из-за того, что ей, как всегда, хотелось чихнуть от Брониславиного парфюма — наверное, изысканного, но для Жени совершенно непереносимого.

А ещё она думала о том, что под ногами у неё рюкзак и надо бы с ним поосторожнее. Там спрятался нарядный пакет. Мама настояла: дорогие конфеты, кофе и орехи макадамия — скоро Восьмое марта, репетшу надо поздравить. Женя пыталась сопротивляться, но маму разве переспоришь?

Бронислава наверняка выше всего этого.

Пани Збаражская Бронислава Казимировна. Потомственный биолог, доктор наук, преподаватель университета и старая аристократка. Вот какой у Жени репетитор по профильному предмету!

Хотя «старая» — это не про неё. Бронислава, конечно, пожилая. Сильно пожилая даже. Но она так держится и разговаривает, что никому в голову не придёт вспомнить

в её присутствии о каком-то там возрасте. Женя чувствует себя маленькой тростиночкой рядом с красивым вековым деревом.

Они занимались в просторной аудитории университета. Женя всё время думала, как она будет вручать подарок, не явится ли в этот момент кто посторонний, мучительно краснела и оттого была совсем рассеянной. Бронислава в ответ на промахи ничего не говорила, только вздёргивала свои аристократические брови.

Точно так же она их вздёгнула, когда Женя протянула ей пакет.

— Что это?

— Подарок. Вам. К Восьмому марта.

— Сегодня не Восьмое марта, — заметила Бронислава. — И вообще, деточка, это лишнее.

— Нет, возьмите, возьмите, пожалуйста! — взмолилась Женя.

И тут дно пакета провалилось, банка грохнулась, а круглые орехи бодро запрыгали по глянцевому полу в разные стороны.

— Ой, простите! Я сейчас всё уберу!

Женя чуть не плакала. Она попыталась прямо руками сгрести оставшиеся орехи в пакет, совершенно забыв, что он теперь негодный.

— Не надо, оставь уборщикам, — брезгливо произнесла Бронислава. — Я же сказала, что это лишнее.

И тут произошло то, чего Женя больше всего боялась. Кто-то открыл дверь и остановился на пороге. Чувствуя себя как в огне, не смея взглянуть в лицо вошедшему, Женя выскочила из аудитории.

Короче, потом она плелась домой с этим пакетом и с конфетами, которые в панике не заметила, как уволокла с собой. Её всё ещё преследовал ванильный запах макадамии, а Женя ненавидела себя и думала, что же она скажет маме.

Вон она, коробка конфет, спряталась на полке, в пространстве между книгами и задней стенкой шкафа. Можно их съесть, конечно, но Женя не смеет.

Так вот, это Бронислава звонит.

После того занятия Женя её больше не видела. Перестала ходить к ней. Родителям она об этом сказать не решилась. Но мама, видимо, перечислила оплату за месяц — как он так быстро пролетел-то! — и у пани Збаражской возникли вопросы.

Тут в третий раз подаёт голос телефон. Как нарочно!

— Женя, что с мамой? — неожиданно отчётливо произносит Мила.

— А что с мамой? — переспрашивает Женя.

У её уха телефон, перед глазами ноут. Она слушает Милу, но смотрит на экран. Отклоняет вызов Брониславы. Всё равно она не знает, что ответить.

— Алло! Алло!

Это уже Миле. Но на этот раз в трубке застыла тишина настолько плотная и основательная, что уши закладывает.

Мама у Жени врач. Главный пульмонолог центральной больницы. Она спасает людей. Сейчас тех, кому нужно спасение, стало в сотни раз больше.

Женя тоже будет врачом. Так мама решила.

Когда пришло время определяться, она так и заявила:

— Пойдёшь в мед!

Женя немножко удивилась. Она вспомнила, как мама всегда ругала свою работу, как приходила домой полумёртвая от усталости, даже ещё до наступления пандемии. Как проклинала уродскую систему здравоохранения, вековую бюрократию, нынешних недоучек-врачей, бестолковых интернов, а главное — тот день, когда она выбрала профессию...

— А ты думаешь, жизнь состоит из удовольствий? — удивилась мама. — Легко только кошки рожают. И то не всегда. Привыкай.

И Женя стала привыкать. К ежедневным дополнительным занятиям — готовиться надо как можно раньше, чего тянуть? К мысли о том, что по окончании школы её ждёт медицинский вуз. Один из медицинских — мама ещё не определилась какой. Хорошо бы тот самый, что окончила она сама, но он был в другом городе, а мама боялась отпускать Женю далеко. Она её даже в Петербург

в поездку с классом не пускала. Хотя в итоге поездка со-
сралась из-за пандемии, но всё равно обидно — Женя
очень хотела! Что уж говорить про учёбу!

Можно побороться, конечно. Но проблема в том, что
Женя и возразить-то не может ничего конкретного. Мама
так и спросила бы:

— Ну хорошо, и что ты предлагаешь?

И Женя ничего не предложила бы. Как объяснить, что,
кроме комиксов, артов и аниме, тебе в принципе ничего
не интересно?

В жизни действительно оказалось мало радости.
Сплошное преодоление, испытание и чувство долга. Толь-
ко так можно стать взрослым ответственным человеком.

Женя зубрила математику, химию и биологию. И за-
полняла тетрадные поля изображениями чумного док-
тора, безумного психиатра и других экзотических персо-
нажей истории медицины. Однажды, забывшись, даже
в тетради для контрольных работ нарисовала. Хорошо
ещё, не совсем треш, что-то безобидное.

Когда совсем уж уставала от формул и задач, отпра-
влялась на любимый «Фикбук».

К Гермесу.

Ужасный перс на самом деле! Женя не уставала пора-
жаться его цинизму, осуждала за то, что он никого не лю-
бит и думает только о себе — а так разве можно?

Но продолжала неумоимо множить эскизы в школь-
ных тетрадках. Вот он похищает Пояс Силы из-под носа

циклопа Бергамота. Отчаянно рискует, добровольно становясь приманкой для Искристого Дракона. Между прочим, в результате спасает целое племя северных людей, больше тысячи человек! Случайно, конечно. Все его добрые поступки вызваны случайностью.

Женя с грустью думала о том, что в её жизни ничего подобного не будет никогда! Да и не заслуживала она такой жизни, прямо говоря.

Экран ноута снова мерцает — ответственная Бронислава настаивает на общении. Звук вызова предсудитительно отключён, но Женя слышит его у себя в голове. Вызов длится долго — как только у Брониславы терпения хватает!

Женя думает про репетшу почти с ненавистью.

Всё. Отключилась. Скорее всего, больше не позвонит. Пани Збаражская не из тех, кто навязывает своё общество другим.

Женя не выдерживает, набирает маму. Сама. Мама не отвечает, но Женя и не ожидала, что ответит. Она напечатывает голосовое сообщение, говорит, что бросила занятия с Брониславой и вообще не хочет связывать своё будущее с медициной. Сколько можно решать за неё!

Закончить. Отправить. Всё.

Потом набирает Милу. После такого отчаянного поступка она ещё не в себе. Пальцы не слушаются, правильный контакт высвечивается с третьего раза. Но абонент

не отвечает. Ни занят, ни вне зоны, ничего. Прежняя разрывающая уши тишина.

И снова звонок. На этот раз от Марины Петровны. Урок-то давно закончен!

— Женя! С тобой всё в порядке?

— Да. Извините, что пропустила. У меня тут...

— Я знаю, знаю! И тоже волнуюсь. Мы все волнуемся, — перебивает Марина Петровна. — С мамой всё хорошо?

— Да, — растерянно откликается Женя.

— Ну, я рада. А вообще, конец света! Совсем озверел народ. Береги себя!

И Марина Петровна облегчённо вздыхает.

После звонка Женя несколько минут сидит неподвижно.

Потом идёт смотреть сайт новостей.

Марина Петровна тоже преподаёт биологию. Но не в университете, а в обыкновенной школе, где учится Женя. С ней Женя не чувствует себя моллюском и ничтожной «деточкой». Ошиблась? Ничего. Забыла? Вспоминай, не страшно. И Женя исправляется, вспоминает, догадывается, находит ответ.

Она бы и дополнительно занималась с Мариной Петровной, но мама упёрлась в Брониславу, считает, что она лучше.

Про Марину Петровну и слышать не хочет. Поджимает губы, когда Женя о ней заговаривает, даже случайно.

Женя учится в одиннадцатом «У». У — значит «универсальный» Это профиль такой, у них в старших классах разделение: «Г» — гуманитарный, «М» — математический, «И» — иностранный. И вот универсальный. Вроде как разносторонний, но на самом деле — никакой. Сюда попали в основном те, у кого нет талантов ни в «И», ни в «М», ни даже в «Г». Или те, кто в своё время не смог определиться, что хотел бы изучать в старших классах. Вот и Женя тоже. Мама, когда узнала, ох и ругала Женю!

— Ну и будешь всю жизнь с отбросами общаться! — сказала она, когда вернулась из школы — ходила туда, чтобы перевести её на другой профиль, но сделать ничего уже было нельзя.

Но это ведь неправда! У них есть очень даже способные ребята! Ирина Егорова, например: такие пишет сочинения и статьи, гэшки обзавидуются! Или Игорь, он же артист прирождённый!

Но мама не верит. Она вообще относится с подозрением ко всем, кого Женя хвалит. Стоит о ком-нибудь сказать хорошо, мама тут же отыщет изъян. Или придумает.

Женя раньше спорила, доказывала что-то. Потом перестала. Себе дороже. Теперь она просто не рассказывает маме про тех, кто ей по-настоящему нравится.

Но про Марину Петровну молчать не получается. Она же у них не только преподаватель биологии, но ещё и классный руководитель.

Вот, кстати, мама считает, что никуда не годная классная. Дисциплину держать не умеет. За успеваемостью не следит. Рассеянная — даже электронный журнал вовремя заполнить не может.

Это неправда.

Всего один раз, в каком-то допотопном десятом классе, Марина Петровна забыла вовремя выложить ДЗ. Мама до сих пор вспоминает.

Хотя с дисциплиной у них и правда беда. Марина Петровна просто такая... Не умеет быть жёсткой.

Так нельзя. Это даже Женя понимает. Марина Петровна, даже когда учеников отчитывает, будто не требует, а просит. И видно, что ей ужасно неудобно ругать человека.

Вот поэтому все думают, что могут Марине Петровне указывать. И родители, и другие учителя.

Однажды Женя слышала, как её отчитывает завуч.

Марина Петровна трубку рукой закрыла и отошла по-дальше, но завуч так орала, что Женя почти всё слышала.

Она ругала Марину Петровну за то, что та допустила всех желающих выпускников до экзамена по биологии. Даже тех, кто на пробниках набирает балл ниже среднего.

— Но как же я могу им запретить? — возражала Марина Петровна. — Они же готовятся, у них же планы...

— У них планы, а у нас показатели! — настаивала завуч. — Низкие, ниже, чем в области! Готовятся, говорите? Разве так надо готовиться? Да что это за врачи будущие, с такими баллами!